

Лилия Викторовна ИВАНОВА¹
Галина Владимировна ПЕРЕЖОГИНА²

УДК 343.213.3

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

¹ кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Тюменский государственный университет
l.v.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5255-3182

² кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Тюменский государственный университет
g.v.perezhogina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9189-9079

Аннотация

Пандемия COVID-19 явилась испытанием для многих государств. Введение ограничительных мероприятий по сдерживанию распространения новой коронавирусной инфекции включает и самоизоляцию граждан, и перевод на дистанционный режим работы и учебы. Развитие информационных технологий позволило осуществить данные мероприятия. Но цифровое пространство всегда привлекало представителей криминального мира. И период пандемии не стал исключением: значительно увеличилось число преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Цифровое пространство не имеет государственных границ, и определение места совершения преступления в таком случае может вызывать трудности. Понятие «место совершения преступления» отсутствует в уголовном законодательстве, что порождает споры в уголовно-правовой науке относительно его определения,

Цитирование: Иванова Л. В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений / Л. В. Иванова, Г. В. Пережогина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 155-171.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171

тем более если речь идет о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных и компьютерных технологий.

В настоящей статье авторы рассматривают понятие цифрового пространства с позиции уголовного права, анализируют различные точки зрения ученых о месте совершения преступления как уголовно-правовой категории, выделяют особенности места совершения преступления в цифровом пространстве, а также раскрывают основные виды преступлений, совершаемых в цифровом пространстве.

Делается вывод, что место совершения преступления в цифровом пространстве — это место ввода информации и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть с последующей реализацией из этого места преступного деяния, независимо от места наступления общественно опасных последствий.

В основе методологии проведенного исследования лежат традиционные для уголовно-правовой науки методы. Сравнительно-правовой метод позволил выявить особенности научных и правовых дефиниций, определить цифровое пространство как место совершения преступления. Статистический метод позволил посредством анализа статистических данных о состоянии преступности в Российской Федерации показать динамику преступлений, совершаемых в цифровом пространстве, в том числе в период пандемии. С помощью метода анализа изучалась судебная практика по преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий.

Ключевые слова

Киберпреступления, уголовное право, цифровое пространство, Интернет, место, пандемия, информационные технологии.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171

Введение

Практически все сферы жизнедеятельности общества в настоящий период подвергаются стремительной цифровизации. Информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь. Сегодня невозможно себе представить современный мир без информационных и телекоммуникационных систем, позволяющих решать не только профессиональные, но и бытовые вопросы. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. указывается на доступность и широкое распространение беспроводных технологий, мобильных устройств, сетей связи. Планомерно достигается задача обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям.

Особенно актуальными и незаменимыми цифровые технологии становятся в ситуациях наложения определенных ограничений на непосредственное, очное взаимодействие в связи с возникновением обстоятельств, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан. Так, в 2020 г. большинство стран мира столкнулись с необходимостью введения жестких ограничительных мер для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции

(COVID-19), вплоть до самоизоляции граждан. В условиях ограниченного «контактного» доступа во внешний мир, незаменимыми помощниками становятся информационные технологии. И если одни используют такие технологии в благих целях, то другие — в преступных, причиняя существенный вред наиболее важным общественным отношениям, традиционно охраняемым уголовным правом, либо ставя их под угрозу причинения такого вреда.

Данные Министерства внутренних дел РФ о состоянии преступности в России показывают неуклонный рост числа преступлений, которые совершаются с использованием информационных технологий. Если в 2017 г. было зарегистрировано 90 587 таких преступлений, то в 2018 г. — уже 174 674, а в 2019 г. зарегистрировано 205 116 преступлений, совершенных с использованием компьютерных или телекоммуникационных технологий. В период распространения пандемии, январе — сентябре 2020 г., зарегистрировано 363 034 преступления, совершенных с использованием информационных технологий, что на 77% превышает показатели аналогичного периода предшествующего года. При этом удельный вес преступлений, совершенных с использованием компьютерных или телекоммуникационных технологий, в общем числе зарегистрированных преступлений увеличился с 13,5% в январе — сентябре 2019 г. до 23,6%. Мировая статистика свидетельствует об увеличении ряда преступлений, связанных с использованием интернет-технологий. Так, по данным Интерпола, пандемия COVID-19 повлияла на рост преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией и надругательством над детьми, совершаемых посредством Интернета, в силу того, что дети стали больше времени проводить в сети по причине закрытия школ и перевода обучения в виртуальное пространство [28].

Масштаб совершаемых противоправных действий с использованием «цифрового пространства» стирает привычное понимание применения норм уголовного законодательства, бросая всё новые вызовы как теории, так и практике применения уголовно-правовых норм. Ситуация усложняется, когда совершение преступления связано с использованием цифрового пространства, охватывающего доступ множества государств и неограниченного круга лиц. В этом случае место совершения деяния и место наступления последствий, обусловленных таким деянием, могут находиться на больших расстояниях друг от друга, минуя все государственные границы. В связи с этим интересным является вопрос о возможности применения к цифровому пространству разработанных в уголовном праве принципов действия уголовного закона в пространстве. Представляется необходимым обоснование с позиции действующего законодательства и юридической науки определения цифрового пространства как места совершения преступления. Нам видится, что это возможно установить путем обращения к понятию цифрового пространства, общему понятию «место совершения преступления», разрабатываемому в науке уголовного права, и рассмотрению особенностей применения выработанных наукой положений относительно цифрового пространства.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие цифрового пространства для целей уголовного права

Понятие «цифровое пространство» не содержится в нормативных правовых актах, определить его возможно через анализ совокупности нормативных документов и имеющихся в науке определений, таких как «Интернет», «информационное пространство», «киберпространство», «виртуальное пространство».

Определения понятия «Интернет» в российском законодательстве не содержится, однако многие нормативные правовые акты апеллируют к данной категории, включая Уголовный кодекс Российской Федерации. При этом законодатель старается давать основные понятия при издании соответствующих нормативных актов. Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» раскрываются многие категории, связанные с цифровым миром: информационные технологии, информационные системы, доступ, предоставление, распределение информации, сайт в сети Интернет, страница в сети Интернет и так далее.

Анализ норм действующего законодательства позволяет отметить следующие характеристики сети Интернет. Во-первых, это разновидность информационно-телекоммуникационной сети. Во-вторых, это технологическая система. В-третьих, ее предназначение — передача информации по линиям связи. В-четвертых, для доступа к линиям связи используются средства вычислительной техники.

Особо следует отметить, что глобальная сеть Интернет в том числе является и средством международной коммуникации, что, соответственно, затрудняет и применение имеющихся в законодательстве стандартных способов защиты от противоправных действий.

В юридической литературе отмечается, что информационное пространство имеет ряд особенностей, таких как трансграничность, отсутствие государственно-властного элемента [9].

На наш взгляд, понятие «цифровое пространство» схоже с пониманием информационного пространства, которое содержится в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 гг. Согласно данному определению, информационное пространство характеризуется следующими чертами: данное пространство включает информационные ресурсы, средства взаимодействия субъектов информационной сферы, информационные системы, информационную инфраструктуру. При этом информационные ресурсы создаются субъектами информационной сферы. Нельзя не заметить, что законодатель, раскрывая категорию «информационное пространство», использует при характеристике всех его элементов также прилагательное «информационное», что представляется не совсем удачным с точки зрения понимания сущности раскрываемой категории. По сути, что значит «информационное», осталось нераскрытым.

Содержание информационной инфраструктуры определяется Доктриной информационной безопасности Российской Федерации. Информационная инфраструктура включает в себя объекты информатизации, информационные системы,

интернет-сайты и сети связи. Составляющие российской информационной инфраструктуры располагаются как на территории России, так и на территориях, которые находятся под ее юрисдикцией или используются на основании норм международного права.

Как мы можем отметить, данное определение включает в себя категории, выделяемые наряду с информационной инфраструктурой при раскрытии понятия информационного пространства. В частности, информационные системы являются частью информационной инфраструктуры, включающей не только все виды информации (сайты), содержащиеся в глобальной сети Интернет, но и сети связи и объекты информатизации.

Следует отметить, что в проекте концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации, который был открыт к обсуждению 10 января 2014 г. [19], разделялись такие категории, как информационное пространство и киберпространство. При этом последнее рассматривалось как часть информационного пространства. Другими словами, информационное пространство определялось достаточно широко как сфера деятельности, связанная с любыми формами обращения с информацией в любом ее виде. А киберпространство рассматривалось как сфера деятельности, связанная только с телекоммуникационными сетями.

Как отмечается, определенные признаки такого подхода — рассмотрения киберпространства как части информационного пространства можно выявить и исходя из действующих норм вышеназванных Доктрины информационной безопасности и Стратегии развития информационного общества [24, с. 68].

По нашему мнению, указанные положения позволяют связать совокупность двух явлений: действия лица в киберпространстве и его реальную территориальную привязку.

Как ранее отмечалось, в юридической литературе встречается и такая категория, как «виртуальное пространство», включающее в себя технические, технологические и социальные отношения [23, с. 9]. При этом составляющими таких отношений автор называет информацию, информационные ресурсы, информационные услуги и средства связи, посредством которых возникают такие отношения. Как указывает ученый, отличительной чертой виртуального пространства выступает использование компьютерной или иной электронной технической сети. Представляется, что в данном случае такие категории, как «виртуальное пространство», «цифровое пространство», «киберпространство» могут выступать синонимами.

Данные термины позволяют в большей степени говорить о деятельности реальных лиц при воздействии и взаимодействии с различными объектами информационной инфраструктуры.

Как отмечалось, российский законодатель определяет категорию «информационное пространство», а не «цифровое пространство». Термин «цифровое пространство» называется и раскрывается в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 в качестве цифрового пространства Евразийского экономического союза в рамках определения направ-

лений реализации цифровой повестки Союза до 2025 г. Примечательно, что в данном случае цифровое пространство объединяет цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, цифровые инфраструктуры, информационные ресурсы, которые составляют и информационное пространство.

Кроме этого, прилагательное «цифровое» употребляется российским законодателем в различных актах применительно к категориям «цифровая экономика», «цифровые права», «цифровые финансовые активы», «цифровая валюта», «цифровые инновации» и др. Нетрудно заметить, что термин «цифровой» используется в основном в экономических отношениях. Одним из ключевых свойств в названных категориях выступает использование данных в электронном виде. Однако не только экономике свойственна цифровизация. Толковые словари, раскрывая значение прилагательного «цифровой», указывают такие значения, как «обозначенный цифрами, выраженный цифрами». Применительно к раскрытию термина с научно-технической стороны указывается на описание информации, выраженной при помощи чисел, что характерно для языка программирования [11].

Уголовное законодательство, раскрывая признаки различных преступлений, называет такие категории, как «компьютерная информация», «электронные сети», «информационно-телекоммуникационные сети», «сеть Интернет».

Таким образом, цифровое пространство охватывает собой часть информационного пространства, если получение, обработка, распространение информации происходит посредством телекоммуникационных технологий.

Исходя из представленных выше понятий, следует сделать вывод, что глобальная сеть Интернет представляет собой лишь часть цифрового пространства и рассматривать только Интернет как место совершения противоправных действий в цифровой среде — значит значительно сужать круг охраняемых общественных отношений.

Для целей уголовного права цифровое пространство необходимо понимать достаточно широко, определяя его как часть информационного пространства, объединяющего посредством телекоммуникационных технологий информационные ресурсы, средства взаимодействия субъектов информационной сферы, в том числе информационные системы и сайты в сети Интернет и сети связи.

Место совершения преступления как уголовно-правовая категория

Определяя цифровое пространство как место совершения преступления, необходимо рассмотреть содержание самого понятия «место совершения преступления» как уголовно-правовой категории.

В юридической литературе по сей день ведутся дискуссии касательно определения указанного понятия. Многообразие дефиниций обосновывается отсутствием нормативного закрепления в отечественном законодательстве, а также попытками доктринально его определить. Актуальность наличия оптимального, всецелого и емкого понятия «место совершения преступления» обосновывается также тем, что это важно при поиске ответа на многие материально-правовые и процессуальные вопросы. В частности, это имеет значение для уголовного

права применительно к учению о действии уголовного закона в пространстве, определению юрисдикции государства, а также для определения признаков состава преступления, где «место» может выступать квалифицирующим признаком объективной стороны. При этом доктрина будто ведет речь о понятиях полярных, никак не соприкасающихся, без сосредоточения внимания относительно пространственных пределов действия уголовного закона [2, с. 120-121].

Представляется, что понятие «место совершения преступления» применительно к цифровой среде необходимо рассматривать с нескольких позиций: и с позиции пространственных пределов, и при определении данного факультативного признака одного из элементов состава преступления. Помимо этого, немаловажно понимание определения места совершения преступления в случаях с делящимся или продолжаемым деянием.

Применительно к вопросу пространственного действия уголовного закона возникает как минимум несколько предположений. Во-первых, место совершения преступления — это место совершения противоправного деяния. Во-вторых, место совершения преступления — это место наступления общественно-опасных последствий. В-третьих, место совершения преступления — это место нахождения исполнителя преступления.

В уголовно-правовой науке имеется мнение, что местом совершения преступления признается та территория, где было реализовано деяние и наступило общественно опасное последствие, входящее в объективную сторону состава преступления. Нам видится, что данная позиция чрезмерно ограничена и не может отвечать современным вызовам, особенно в преступлениях, совершаемых в цифровом пространстве, когда общественно опасное деяние может иметь место в одном государстве, а преступный результат — проявиться на территории другого.

Вместе с тем в науке уголовного права разработана концепция, которая рекомендует для понимания категории «место совершения преступления» обращаться к имеющемуся в уголовном законе понятию «время совершения преступления», под которым, согласно ч. 2 ст. 9 Уголовного кодекса РФ, признается время совершения деяния. Причем это относится как к преступлениям с формальным составом, так и к преступлениям с материальным составом. Данная законодательная регламентация приводит к выводу, что раз время совершения преступления определяется только моментом совершения противоправного действия или бездействия, без последствий, полагаем, что точно такое же заключение можно сделать относительно места. Следовательно, местом совершения преступления необходимо определить территорию (например, России), где совершалось деяние, даже если преступный результат наступил за ее пределами [18, с. 186; 22, с. 45]. Исходя из данной позиции, категории «время» и «место» неразрывно связаны, а значит, должны основываться на одинаковых условиях.

В юридической литературе встречается и мнение, согласно которому применительно к формальным составам место совершения преступления необходимо определять по месту совершения деяния, а в преступлениях с материальным составом — по месту наступления последствий [4, с. 218; 6, с. 125].

Смеем предположить, что в основу данного вывода положено понятие оконченного преступления, так как в деянии лица содержатся все признаки состава преступления.

Также встречается мнение, что преступление с формальным составом следует считать совершенным в конкретном государстве, если деяние совершено в пределах его территориальных границ. В случае же с преступлениями с материальным составом необходимо решать вопрос в пользу государства как при совершении деяния на территории государства, так и в случае наступления последствий, независимо от того, где было реализовано преступное деяние [10, с. 183-184; 5, с. 85].

Существовала вместе с тем и точка зрения о признании в любом случае Российской Федерации местом совершения преступления, если преступная деятельность хоть как-то была связана с интересами государства, в литературе это встречается как теория повсеместности [1, с. 127].

Отметим, что практика, предлагает отсылку ко всем известному сложившемуся принципу «forum delicti commissi» — обосновывающему определение территориальной подсудности исходя из места совершения деликта.

Проблемы определения места совершения преступления в цифровом пространстве

Отсутствие единообразного понимания места совершения преступления обуславливает отсутствие четкого ответа на вопрос относительно преступлений, совершенных в цифровом пространстве. Что считать местом совершения преступления: место нахождения исполнителя преступления или место нахождения сервера, или место наступления последствий?

Привлекательность использования возможностей цифрового пространства в криминальных целях вполне обоснованна. Такой способ позволяет воздействовать на широкую аудиторию из любой точки мира, сохраняя анонимность. Также это объяснимо сложностью фиксации следов преступной деятельности и поиска лица, совершившего преступление. В то же время противодействие преступлениям, совершаемым в цифровом пространстве, должно осуществляться на межгосударственном уровне, совместными действиями стран по приведению в соответствие норм внутригосударственного уголовного законодательства. В научной литературе высказывается мнение не просто об унификации законодательства, а о формировании качественно новой отрасли — права киберпространства [26, с. 164].

Вместе с тем предполагается считать местом совершения преступления не какую-либо государственную территорию, а собственно цифровое пространство. На данной «территории» должно действовать свое законодательство, а также специфичные судебные органы. Некоторые государства достаточно продвинулись в данном вопросе, так, например, в Китае функционирует специализированный онлайн-суд, под юрисдикционными полномочиями которого находятся только преступления, совершенные в сети Интернет [27].

Чтобы признать цифровое пространство самостоятельной территорией, необходимо, чтобы подобные суды были созданы если не всеми, то большинством государств, при этом необходимы действенные единые международно-правовые средства, на современном этапе такое представляется невозможным. Поэтому необходимо устанавливать реальное материальное место совершения преступления, реализованного в цифровой среде.

Могут быть различные ситуации, когда преступления в цифровом пространстве затрагивают территории разных государств. Например, онлайн-трансляция азартной игры (по российскому законодательству организация и проведение таких игр запрещены) возможна с территории зарубежного государства, где азартные игры разрешены, что затрудняет, а порой делает невозможным привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, за исключением применения положений ст. 12 УК РФ. Размещение ложной информации или загрузка порнографических материалов происходит в одном государстве, в то время как «получатель» такой информации находится в другой стране.

По данному вопросу существуют различные точки зрения. В частности, предлагается для решения вопроса об определении, закон какой страны следует применять в конкретном случае, исходить из адреса интернет-страницы [20, с. 14].

Однако адрес сайта не может служить признаком территориальной принадлежности к конкретной стране, так как виновные могут зарегистрировать сайт в одном государстве, а преступную деятельность вести с территории другого государства.

Другая позиция заключается в определении места совершения преступления в цифровом пространстве по месту расположения компьютерного оборудования, с использованием которого совершается преступление. Данное положение также не может быть поддержано ввиду того, что оборудование может быть размещено в разных странах.

Однако если последствия совершенного противоправного деяния имели свое распространение в нескольких государствах, это может порождать целый ряд проблем, связанных в первую очередь с выбором юрисдикции государства.

Обращаясь к судебной практике, нельзя не отметить положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: в случае хищения безналичных, в том числе электронных, денежных средств содеянное считается оконченным с момента изъятия этих средств со счета их владельца. Исходя из данного положения, получается, что в случае использования, например, Интернета местом совершения преступления будет место совершения общественно-опасного деяния. Из этого следует сделать вывод, что, если преступное деяние было совершено в России, а общественно опасное последствие наступило в другом государстве, деяние подлежит юрисдикции России. В связи с этим не имеет значения конструкция состава преступления, совершенного в цифровом пространстве, в этом смысле местом совершения как усеченного, так формального и материального, следует считать территорию того государства, где было совершено общественно опасное деяние.

В связи с тем, что практика стремится к единообразию применения и толкования норм права, а также неоспоримости факта единой природы уголовного права и административного права как публичных сфер, считаем возможным обращение к судебной практике относительно определения места совершения противоправных действий, сложившейся в административном праве. Независимо от места наступления последствий местом совершения административного правонарушения признается место совершения действия.

Тогда возникает вопрос, что делать в ситуации, если деяние совершено совместно несколькими лицами из разных государств, однако направлено на достижение единого преступного результата? Встречается мнение, что для признания совместно совершенного преступления содеянным в России достаточно, чтобы исполнитель действовал на ее территории [3, с. 155; 1, с. 127]. Если соучастники находятся в разных странах, то местом совершения преступления признается территория того государства, где соучастник осуществил свою преступную роль в совместном совершении преступления [8, с. 20].

Таким образом, для определения юрисдикции конкретного государства при реализации преступной деятельности на территории нескольких государств необходимо исходить из того, где было совершено деяние, независимо от места наступления последствий.

Помимо этого, в уголовном праве общепринято, что деяние выражается внешне в форме действия или бездействия, где действие выступает в качестве активного телодвижения или совокупности телодвижений, а бездействие как воздержание от предписанной нормы поведения. Неся в себе осознанно-волевой характер, в сущности, само по себе деяние и определяет объективную возможность наступления общественно-опасных последствий. Следовательно, логично предполагать, что местом совершения преступления в цифровом пространстве следует признавать место ввода информации и выхода в информационную сеть с последующей реализацией из этого места преступной деятельности, так как именно в этот момент совершается преступное деяние.

В борьбе с несанкционированным доступом к охраняемой законом информации считаем, что деяние должно признаваться совершенным на территории России и в том случае, когда «атакуемая» информационная система находится на территории нашего государства, что в полной мере отвечает защите интересов государства и общества.

В случае если гражданин Российской Федерации совершает преступление в цифровом пространстве, находясь на территории иностранного государства, на основании ч. 1 ст. 12 Уголовного кодекса РФ, такое деяние должно образовывать преступление в соответствии с законодательством и этого иностранного государства.

Виды преступлений, совершаемых в цифровом пространстве

Цифровое пространство является местом совершения преступления не только применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации, но и при-

нительно к другим общеуголовным преступлениям, посягающим на личность, общество и государство.

Совершение деяния в цифровом пространстве может выступать конструктивным либо квалифицирующим признаком. В частности, в ряде статей закрепляется признак использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступления. Законодатель, признавая повышенную общественную опасность использования информационных технологий при совершении преступлений, выборочно закрепляет соответствующий признак в качестве признака состава преступления. В частности, устанавливая уголовную ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов посредством информационных технологий, законодатель не закрепляет соответствующий признак в иных составах преступлений, связанных в том числе со сбытом запрещенных или ограниченных в обороте предметов, который также зачастую совершается онлайн.

Кроме этого, неуказание законодателем на возможность совершения деяния в цифровом пространстве не свидетельствует, что подобное преступление чаще всего совершается офлайн. Так, значительное число так называемых «фейковых новостей», особенно в условиях борьбы с пандемией, подтолкнуло российского законодателя к установлению уголовной ответственности за подобные действия, включив Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ в Уголовный кодекс РФ ст. 207.1 и 207.2.

В данных нормах нет указания на использование информационных технологий при совершении таких преступлений ни в качестве конструктивного, ни в качестве квалифицирующего признака, хотя наибольшее распространение ложной информации происходит онлайн, что значительно повышает общественную опасность деяния. Публичная передача в социальных сетях, мессенджерах и иных средствах массовой телекоммуникации происходит молниеносно и охватывает максимально широкий круг лиц. В тех случаях, когда люди воспринимают ложную информацию о принимаемых государством мерах по обеспечению защиты населения как достоверную, наступают очевидные негативные последствия, в том числе связанные с общественно-опасной дестабилизацией деятельности органов власти и паникой среди населения. Не углубляясь в проблему правильности конструирования данных норм в целом [7], отметим, что имеющаяся судебная практика по данным делам свидетельствует, что деяния имели место в цифровом пространстве: в частности, распространение видеозаписи в группе WhatsApp, размещение видеобращения в социальной сети Instagram размещение комментария к посту в сети «ВКонтакте», создание группы и размещение постов в сети «ВКонтакте».

Место как факультативный признак состава преступления, скорее, не имеет своего значения в смысле рассматриваемых преступлений, так как с позиции уголовного закона место рассматривается как часть территории, на которой совершается преступление. В этой связи место должно влиять на квалификацию деяния отдельных видов преступлений, поэтому целесообразнее говорить

о средстве совершения преступления. Доступ к цифровому пространству и его использованию для достижения преступного результата осуществляется через предметы материального мира (компьютеры, планшеты, мобильные телефоны и другие электронные устройства, обеспечивающие выход в онлайн). Эти предметы выступают средствами для облегчения совершения преступления. Использование информационных технологий законодателем упоминается и в смысле способа совершения преступления.

При этом не всегда использование информационных технологий выступает способом совершения преступления, иногда оно характеризует обстановку совершения преступления, неотъемлемую часть объективной стороны. Так, например, в ситуации жестокого обращения с животным, демонстрирующегося в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), что уголовно-наказуемо по п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, в случае онлайн-трансляции мучений животного в режиме реального времени использование информационно-телекоммуникационных сетей характеризует обстановку совершения такого преступления. А в ситуации, когда видеозапись состоявшегося жестокого обращения с животным выкладывается в сеть после содеянного, использование информационно-телекоммуникационной сети в данном случае выступает самостоятельным действием, входящим в объективную сторону состава преступления.

Выводы

Завершая рассмотрение цифрового пространства как места совершения преступления, необходимо отметить, что информационные технологии прочно вошли в жизнь современного человека, не только позволяя решать рабочие и бытовые вопросы, но и неся в себе угрозу безопасности личности, общества и государства. Увеличивающееся число преступлений, совершаемых посредством информационных технологий, обуславливает рассмотрение цифрового пространства как особой «территории» — места совершения преступления.

Цифровое пространство необходимо рассматривать широко, определяя его как часть информационного пространства, объединяющего посредством телекоммуникационных технологий информационные ресурсы, средства взаимодействия субъектов информационной сферы, в том числе информационные системы и сайты в сети Интернет и сети связи. Данное понимание позволяет охватывать всевозможные противоправные деяния, совершаемые с использованием средств вычислительной техники и различных информационных технологий.

Цифровое пространство не имеет территориальных границ, действия, совершаемые в нем, могут иметь эффект на территории разных государств, что порождает определенные трудности в определении места совершения преступления. В целях обеспечения системности уголовно-правовых норм местом совершения преступления в цифровом пространстве следует считать место ввода информации и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть с последующей реализацией из этого места преступного деяния, независимо от места, где наступили последствия.

Цифровое пространство является местом совершения преступления не только применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации, но и применительно к другим общеуголовным преступлениям, посягающим на личность, общество и государство, выступая конструктивным либо квалифицирующим признаком состава преступления, характеризуя в таком качестве способ или обстановку совершения преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блум М. И. Действие советского уголовного закона в пространстве / М. И. Блум. Рига: Латв. ун-т, 1974. 262 с.
2. Бойцов А. И. Выдача преступников / А. И. Бойцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 1130 с.
3. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение / Я. М. Брайнин. М.: Юрид. лит., 1967. 240 с.
4. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 319 с.
5. Есаков Г. А. Экстра territorialное действие уголовного закона: современные мировые тенденции / Г. А. Есаков // Закон. 2015. № 8. С. 82-89.
6. Игнатов А. Н. О действии закона во времени и пространстве / А. Н. Игнатов // Общество и право. 2008. № 1. С. 124-126.
7. Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию / А. Г. Кибальник // Законность. 2020. № 5. С. 41-44.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С. А. Боженко, Ю. В. Грачева, Э. Н. Жевлаков и др.; отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2017. 910 с.
9. Кочеткова М. Н. Процессуальные проблемы принятия сообщения о преступлении по сети Интернет / М. Н. Кочетков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7-2. С. 30-32.
10. Малинин В. Б. Объективная сторона преступления / В. Б. Малинин, А. Ф. Парфенов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юрид. ин-та, 2004. 301 с.
11. Научно-технический энциклопедический словарь.
URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/> (дата обращения: 10.09.2020).
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (Ч. I). Ст. 2030.
13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
14. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 // Российская газета. 2017. № 280.
15. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ: по сост. на 08.06.2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.

16. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 г. № 12.
URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (дата обращения: 20.10.2020).
17. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
18. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 785 с.
19. Проект концепции Стратегии кибербезопасности Российской Федерации.
URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).
20. Рыков А. Ю. Гражданско-правовое регулирование сделок в глобальной компьютерной сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Рыков. М., 2009. 29 с.
21. Состояние преступности в Российской Федерации // МВД России: сайт.
URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.10.2020).
22. Тарбагаев А. Н. Место совершения преступления / А. Н. Тарбагаев // Уголовное право. 2009. № 3. С. 44-49.
23. Телешина Н. Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Телешина. Муром, 2011. 26 с.
24. Терентьева Л. В. Понятие киберпространства и очерчивание его территориальных контуров / Л. В. Терентьева // Правовая информатика. 2018. № 4. С. 66-71.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 31.07.2020 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
26. Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М. А. Федотов // Lex Russica. 2016. № 3. С. 164-182.
27. China's online court heard its first case today.
URL: <https://www.engadget.com/2017-08-18-chinas-online-court-first-case.html> (дата обращения: 20.10.2020).
28. INTERPOL report highlights impact of COVID-19 on child sexual abuse.
URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-highlights-impact-of-COVID-19-on-child-sexual-abuse> (дата обращения: 20.10.2020).

Liliya V. IVANOVA¹
Galina V. PEREZHOGINA²

UDC 343.213.3

**THE DIGITAL SPACE
AS A CRIME SCENE
UNDER GLOBAL CONSTRAINTS**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
Institute of State and Law,
University of Tyumen
l.v.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5255-3182

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
Institute of State and Law,
University of Tyumen
g.v.perezhogina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-9189-9079

Abstract

COVID-19 pandemic has challenged many countries. Restrictive measures to curb the spread of the new coronavirus infection included self-isolation of citizens, as well as working and studying online, which was possible thanks to the development of information technology. However, the digital space has always attracted criminal attention. The pandemic was no exception: the number of cybercrimes has increased significantly.

The digital space has no state borders, and locating the crime scene might be difficult. The concept of a “crime scene” is absent in criminal legislation that generates controversy in criminal legal science.

The authors consider digital space as a criminal concept, analyze scientific views on the problem of determining the crime scene, highlight the features of the digital crime scene, and reveal the main types of cybercrimes.

Citation: Ivanova L. V., Perezhogina G. V. 2020. “The digital space as a crime scene under global constraints”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 4 (24), pp. 155-171.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171

They conclude that the crime scene in the digital space is the place of information input and entrance into the information and telecommunication network with the subsequent implementation from this scene of the criminal act, regardless of the location of socially dangerous consequences.

The research methodology includes traditional for criminal law science. The comparative legal approach allowed identifying the features of scientific and legal definitions, to define the digital space as a crime scene. The statistical method, through the analysis of crime statistics in the Russian Federation, helped showing the dynamics of crimes committed in the digital space, including during a pandemic. Using the method of analysis, the authors have studied the cybercrime cases.

Keywords

Cybercrime, criminal law, digital space, Internet, place, pandemic, information technology.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-155-171

REFERENCES

1. Blum M. I. 1974. Action of the Soviet Criminal Law in a Space. Riga: Latviyskiy universitet. [In Russian]
2. Boitsov A. I. 2004. Extradition of criminals. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. [In Russian]
3. Braynin Ya. M. 1967. Criminal law and its application. Moscow: Yuridicheskaya literatura. [In Russian]
4. Durmanova N. D. 1967. Soviet criminal law. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. [In Russian]
5. Esakov G. A. 2015. "Extraterritorial effect of criminal law: modern world trends". *Zakon*, no. 8, pp. 82-89. [In Russian]
6. Ignatov A. N. 2008. "On the operation of the law in time and space". *Obshestvo i parvo*, no. 1, pp. 124-126. [In Russian]
7. Kibalnik A. G. 2020. "Criminal law response to the coronavirus pandemic". *Zakonnost*, 2020, no. 5, pp. 41-44. [In Russian]
8. Bozhenok S. A., Gracheva Yu. V., Zhevlakov E. N., Rarog A. I. (eds). 2017. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospekt. [In Russian]
9. Kochetkova M. N. 2014. "Procedural problems of accepting a crime report on the Internet". *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 7-2, pp. 30-32. [In Russian]
10. Malinin V. B., Parfenov A. F. 2004. The Objective Side of the Crime. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo instituta. [In Russian]
11. Scientific and Technical Encyclopedic Dictionary. Accessed 10 September 2020. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/> [In Russian]
12. RF Federal Law of 1 April 2020 No. 100-FL "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 14 [In Russian]

13. RF President's Decree of 9 May 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 20. [In Russian]
14. RF Ruling of the Plenum of the Supreme Court of 30 November 2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement". Rossiyskaya Gazeta, no. 280. [In Russian]
15. RF Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FL "On information, information technology, and information protection". Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 31 [In Russian]
16. Eurasian Economic Union Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11 October 2017 No. 12 "On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025". Accessed 20 October 2020. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 [In Russian]
17. RF President's Decree of 5 December 2016 No. 646 "On the approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 50. [In Russian]
18. Lopasheenko N. A. (eds). 2011. The General Part Of Criminal Law: The State of Legislation and Scientific Thought. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. [In Russian]
19. Draft Concept of the Cybersecurity Strategy of the Russian Federation. Accessed 10 September 2020. <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> [In Russian]
20. Rykov A. Yu. 2009. "Civil regulation of transactions in the global computer network Internet. Moscow". Cand. Sci. (Jur.) diss. Moscow. [In Russian]
21. RF Ministry of Internal Affairs. "The state of crime in the Russian Federation". Accessed 20 October 2020. <https://мвд.рф> [In Russian]
22. Tarbagaev A. N. 2009. "Crime scene". Ugolovnoe pravo, no. 3, pp. 44-49. [In Russian]
23. Teleshina N. N. 2011. "Virtual space as an object of state control". Cand. Sci. (Jur.) diss. Murom. [In Russian]
24. Terenteva L. V. 2018. "The concept of cyberspace and the delineation of its territorial contours". Pravovaya informatika, no. 4, pp. 66-71. [In Russian]
25. RF Criminal Code of 13 June 1996 No. 63-FL. Collection of Legislation of the Russian Federation, no. 25. [In Russian]
26. Fedotov M. A. 2016. "Constitutional responses to the challenges of cyberspace". Lex Russica, no. 3, pp. 164-182.
27. China's online court heard its first case today. Accessed 20 October 2020. <https://www.engadget.com/2017-08-18-chinas-online-court-first-case.html>
28. INTERPOL report highlights impact of COVID-19 on child sexual abuse. Accessed 20 October 2020. <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-highlights-impact-of-COVID-19-on-child-sexual-abuse>